

Давид Кизик

Свадьба Анастасии

Повесть из сборника Время Феофано

Давид Кизик

Свадьба Анастасии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40199685

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-1019-9

Аннотация

Церемониал царской свадьбы в Византии. Беседы на пиру. Образование государства Вахтанга Горгасали на стыке двух империй. Арабские завоевания в Закавказье. Армянский эмират Багдадского халифата. Абхазия, Картли и Кахетия в войне с завоевателями.

Содержание

Свадьба Анастасии	4
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Свадьба Анастасии

Наступил день свадебных церемоний¹. Сочетание священными узами брака провинциальной актрисы и наследника царского престола.

Почти все собравшиеся сегодня в дворцовом крыле у цесаревича Романа² были преимущественно бюрократического сословья. Возглавлял свиту цезаря паракимомен, первый министр и спальничий самого государя Васили Ноф³. Пестрая одежда, но с преобладанием зеленых цветов, придавала компании Романа оживленный вид. Присутствие в одеждах зеленого цвета, подчеркивало их партийную принадлежность. Непримиримые сословья бюрократов и военных, даже на свадебной церемонии неосознанно кучковались возле своих лидеров.

---

¹ Церемониал царской помолвки входил в число актов придворного церемониала, его порядок описан в «Книге церемоний» Константина Багрянородного. Текст приводится по изданию: Известия государственной академии материальной культуры. № 91. – М.: ОГИЗ, 1934. Воспроизведено по изданию: Памятники византийской литературы IX– XIV вв. М., 1969.

² Роман II Младший (938 – 15 марта 963) – византийский император с 9 ноября 959 по 15 марта 963 года, сын Константина VII Багрянородного.

³ Василий Лакапин известен также как евнух Василий Ноф (умер ок. 985) – первый министр (паракимомен), фактически верховный правитель Византии с 945 по 985 год (с перерывом в 959—963 года).

Палатин, один из дворцовых служащих, набираемых из евнухов, заглянул в зал:

– Прошу занять указанные места, господа, если вас это не затруднит. Церемония начинается.

Роман отправился на свое место в первом ряду и чуть не споткнулся. Его церемониальный халат был ничуть не легче доспехов и к тому же был менее удобным. Бархат вишневого цвета весь топорщился золотыми вышивками. Жемчуг с драгоценными камнями, в изобилии красовавшиеся на груди, воротнике и по рукавам делало одежды просто неподъемными. А широкий золотой пояс, усыпанный рубинами, сапфирами, аметистами, инкрустированный искусной эмалью, весил куда больше, чем солдатский пояс с мечом, ножнами и кинжалом. На голове его сияла стемма цезаря – обруч чистого золота, украшенный драгоценными камнями и эмалями.

Бронзовые двери палаты бесшумно отворились. Первым в открытые двери вышел палатин, задача которого состояла в том, чтобы указывать – кому и куда идти. Плотный, расшитый золотом бархат халата противно шуршал и поскрипывал, когда Роман медленно двинулся за евнухом.

Но едва только процессия вышла из здания. Роман порадовался тяжести своего одеяния. Их встретил холодный осенний ветер. Романа подвели к огненно-рыжему жеребцу, символизирующего своим окрасом алый цвет осеннего солнца. Солнце вождей и князей. Василий и остальные сопровождающие из свиты Романа сели верхом на коней вороной

масти. Этот цвет символизировал их бесконечную преданность цезарю.

Когда верховые заняли свои места, конная колонна шагом выступила из дворцового комплекса по направлению к Собору Юстиниана Ринотмета⁴, иначе называемый Собором Святой Софии. От самого дворца вдоль дороги цепью стояла императорская гвардия, сдерживающая толпы плебса, которые вышли поглазеть на церемонию и поприветствовать Романа. За толпой, в тени улочек можно было заметить городских стражников равдухов, готовых в случае надобности пресечь уличные беспорядки.

Перед гвардейцами через небольшие интервалы стояли палатины с мешками наполненными фигами и орехами. При приближении колонны они начинали забрасывать содержимым из мешков горожан стоящих за цепью гвардейцев.

В это же время с другого конца города из ворот дворцового комплекса семейства Фока выдвинулась другая кавалькада. Впереди в парадной военной форме на вороном коне ехал сам магистр Никифор⁵, усыновленный матерью невесты. По старинному обряду, но освященному церковью. На правах брата, в отсутствии отца, он сопровождал невесту к месту

---

⁴ Юстиниан II Ринотмет (669— 11 декабря 711) — византийский император (685—695 и 705—711), сын Константина IV. Последний представитель Ираклийской династии.

⁵ Никифор II Фока (ок. 912 — декабрь 969) — военачальник, затем византийский император (963—969). Сын полководца Варды Фоки Старшего.

венчания.

Рядом с ним на белой лошади, символизирующей серебристый цвет луны, ехала невеста. Просторные церемониальные одеяния скрывали округлившийся живот Анастасии. Ее платье, сшитое из мягкого белого шелка, пронизанное серебряными нитями и украшенное белоснежными кружевами у запястий, казалось, было соткано из лунного света. Серебряная стемма архонтессы на голове подчеркивала ее красивые каштановые волосы.

Дочери базилевса Константина⁶: Зоя, Феодора и Агафа не посчитали возможным для себя быть среди подруг невесты из провинции, поэтому «подруг» пришлось спешно собирать среди дочерей вельмож. Среди них Анастасия сразу же выделила Марию Склирину, дочь архонта Фотиноса, которому принадлежали обширные земельные владения на восточных окраинах Малой Азии. Девушки сразу же подружилась. И Мария встала во главе «подруг», которые ехали на серых лошадях сразу за невестой.

Замыкали колонну Никифора военные мужи – представители землевладельческой знати, архонты. У них в одежде преобладали синие и голубые тона, что подчеркивало принадлежность сопровождающих к партии военных. Под ними были гнедые кони.

---

⁶ Константин VII Багрянорódный (Порфирорódный) (17/18 мая 905, Константинополь – 9 ноября 959, Константинополь) – византийский император из Македонской династии, номинально царствовал с 913, фактически – с 945 года.

Тут были и одетый более светски, чем его брат стратег Лев Фока, и брат Марии Склирины – Варда Склир. Рядом со Склиром ехал Иоанн Куркуас, по прозвищу Цимисхий⁷, который надел поверх шелковых одеяний свою горящую на солнце кирасу. Никакого головного убора он не носил, открывая всем на обозрение копну длинных, пышных рыжих волос. Ван намывал их лимонной водой, пока они не встопорщились, как львиная грива.

А еще там были владетельные ишханы⁸ Багратуни из провинции Тао-Кларджети, иначе называемой царством Картли или Верхней Иверией. Они приехали на церемонию из своей столицы – Артвина⁹, чаще именуемой по-арабски Артануджи. Возглавлял их делегацию царь Картвелов Смбат¹⁰ Ивирский – бдешх Арийстана, что соответствовало латинскому титулу герцог или греческому титулу дука. Был Смбат так же удостоен высокого византийского титула курапалат. И хотя титул начальника охраны царского дворца был скорее данью традиции, чем его непосредственной обязанностью, курапа-

---

⁷ Иоанн I Цимисхий – византийский император в 969—976 годах.

⁸ На третьей ступени аристократического сословия Великой Армении после тагавора (царь) и бдешхов (герцог) стояли ишханы (ishkhan), соответствующие графам в европейской иерархии.

⁹ Артвин – город и район в Северо-Восточной Турции, на реке Чорох, недалеко от границы с Грузией.

¹⁰ Смбат Багратуни Ивирский, старший сын Аданарсе II – бдешх и царь Картвелов из Тао-Кларджети (Армянская Иверия, арм. Вирк.) с 937 по 958, курапалат Византии с 954. Федерат Византии.

лат Смбат ежегодно получал из казны соответствующее денежное содержание – рогу. А все потому, что храбрые горцы из Тайка¹¹ и Гугарка¹² по-прежнему составляли большинство гвардейцев дворцовой стражи. Смбат был одет в персидский шелковый халат. Голову его венчал тюрбан, какой носили в халифате.

Рядом с ним по-родственному ехали соседи, представители младшей ветви Багратуни из рода Торников. Это были выросшие в Византии братья Лев с Николаем и сам ишхан Тарона¹³ танутер¹⁴ Ашот.

---

¹¹ Тайк (груз.Тао) – провинция (ашхар) на северо-западе Великой Армении (Арийстана), в бассейне реки Чорох (ныне на территории Турции). По разделу Армении 387 г. Тайк отошёл к Византии, хотя фактически провинция (пограничная клисура) оставалась уделом армянского рода Мамиконянов (наследственных военачальников Армении). Уже в IX веке регион вошел во владения Багратидов из области Кларджети в провинции Гугарк.

¹² Гугарк или Армянская Иверия (лат. Gogarene, арм. Вирк) – со II века до н. э. одна из 15 провинций Арийстана, в верховьях реки Кура, отобранная у Гургистана. Ей, как пограничной областью, управлял правитель (бдешх, герцог) с неограниченными полномочиями. До 338 года Гугарк состоял из 16 гаваров (уездов). Армянский географ VII века Анания Ширакаци описывает провинцию следующим образом: Гугарк, к западу от Ути, имеет 9 областей: 1. Дзоропор, 2. Цобопор, 3. Колбопор, 4. Ташир, 5. Трелы, 6. Кангары, 7. Артаган, 8. Джавахк, 9. Кларджи. В настоящее время эта территория находится в пределах современных Грузии, Турции и Армении.

¹³ Тарон (у греко-римских авторов Таронитида) – гавар и одновременно историческая область Великой Армении, входившая в состав ашхара (провинции) Туруберан, к западу от озера Ван. Главный город – Муш.

¹⁴ Во главе каждого ишханского рода (клана) стоял танутер (tanuter). Танутер означало «глава дома», «глава фамилии», «родовладыка». Соответствует грузин-

Первой на храмовую площадь вышла кавалькада жениха. Их встречал распорядитель дворцового церемониала препозит Иосиф с командой палатинов. По команде препозита, Роман и его свита спешили. Подбежавшие палатины перехватили коней под узду и быстро увели их с площади в сторону конюшен располагавшихся позади храма.

Удостоверившись, что все стоят на своих местах, препозит Иосиф протрубил в дудку. Палатин во главе колонны величаво и торжественно поплыл вперед, задавая скорость остальным. Под приветственные крики толпы жених и его свита направились в сторону распахнутых ворот Святой Софии.

Великолепные барельефы этих ворот были свидетелями бесчисленных торжеств. Венчания на царство и свадебные церемонии. Божественные литургии. В менее торжественные дни тут проходили заседания религиозных судов. Такой неуклюжий снаружи, храм был настолько светлым, изящным и пропорциональным внутри, что выглядел почти невесомым. Он поражал воображение. Изнутри храм по случаю торжества был освещен тысячью свечей.

Роман бывал здесь не раз. Но великолепие храма, торжественная обстановка, сотни глаз следящих за каждым его движением за frozeли его так, что он на миг остановился.

Посреди центрального зала, хрисотриклина, размещалась

круглая площадка для вознесения молитв и проповедей. Над ней невесомо парил купол, а вокруг, как в амфитеатре, стояли скамьи. Сразу бросалось в глаза, что мастера царской столицы обладали, куда большими возможностями, по сравнению с провинциалами, чтобы украсить свое творение. Невозможно было даже представить, какие суммы были затрачены на создание этого чуда.

Несмотря на обилие сокровищ, собранных в храме, главным его чудом все-таки оставалось умелое архитектурное решение. Колонны, облицованные чудесным моховым агатом, были просто изумительны по своей красоте. Стены храма воссоздавали небеса, подражая краскам восхода и заката на востоке и западе. Иллюзия эта достигалась использованием красного камня разных оттенков, который постепенно сливался с белым мрамором и бирюзой, которые покрывали северную и южную стены до самого основания.

Колонны, стены, арки, малые купола – все это вело взгляд к одному – к великому куполу, который сам по себе казался чем-то волшебным. Казалось, он лежит лишь на ярких столбах солнечного света, струившегося из больших окон храма. Мягкий поток солнечного света струился сквозь мозаичные витражи арочных окон, делавшие сам купол почти невесомым. Казалось, он парит в воздухе над Собором. Свет отражался от золотой и серебряной фольги, сверкал на плитах пола, покрытых мозаикой и золотом. С трудом верилось и в то, что великолепный купол имеет невероятный вес. Его лег-

че было бы представлять в виде некоего большого мыльного пузыря, так деликатно соединенного с храмом, что легкий ветерок мог унести его и оставить святыню открытой. Игра света в куполе создавалась мириадами покрытых золотом стекол. Это был символ Солнца в его полной силе. Небесного светила достигшего зенита.

Это подвижное, переливающееся золотое поле окружало громадное изображение Христа, который смотрел с высоты на свою паству. Удлиненное бородатое лицо со спокойным, но строгим взглядом, он точно пронзал людей собравшихся внизу. Эти всевидящие глаза, казалось, заглядывали прямо в глубину души. Стоя под этим божественным взором, человек ощущал всю тленность бытия. Все человеческие деяния были записаны в «книзе животней», которую Христос держал в левой руке. «Великий Небесный судия. Будет ли он милосерден ко мне?» – так думал всякий находящийся в Соборе.

На полпути к восточной стене находилась большая ниша – ложа, куда имела доступ только царская семья. Чудесный занавес из ткани, похожей на газ и расшитый тонким бисером, позволял базилевсу и его окружению видеть все, оставаясь невидимыми для посторонних глаз. Но сейчас занавес был отброшен. Все могли лицезреть царя царей и его августейшую супругу.

Константин Багрянородный был облачен в желтый, ши-

тый золотом шелковый халат, еще более великолепный, чем у Романа. Только острые носки пурпурных сапог выглядели из-под покрытой драгоценностями оторочки. На голове сверкала золотая императорская стемма, украшенная драгоценными камнями и эмалями, надетая на шапку с тульей, и увенчанная крестом наверху. По бокам стеммы свисали жемчужные подвески. Дополняя это великолепие, на поясе базилевса висела сабля в разукрашенных камнями ножнах. Навершие рукоятки сабли украшал большой рубин.

Слева от императора сидела севаста Елена. У нее была смуглая кожа и черные, как смоль, волосы. Однако круглое лицо василиссы¹⁵ сохраняло доброе выражение. На ней было голубое шелковое платье, расшитое серебром. Жемчуг с драгоценными камнями в изобилии украшал грудь, воротник и рукава севасты. Голову ее украшала серебряная стемма императрицы, украшенная драгоценными камнями и эмалями. По бокам свисали жемчужные подвески. Красивые темно-синие глаза Елены излучали покой.

Роман не глядя по сторонам, проследовал к алтарю. Его сопровождающие заняли скамьи справа от алтаря. Места с левой стороны по традиции занимали женщины. Скамьи Великого храма делались не из прочного и скромного орехового дерева, а из светлого дуба. Навощенные и отполированные до блеска, они были инкрустированы черным деревом, слоновой костью, сандалом, самоцветами и жемчугом. Позо-

---

¹⁵ Василисса, деспина – официальный титул византийской императрицы.

лота и серебро отражались в полированном дереве и металле, отблески драгоценностей мелькали в самых дальних его уголках.

Едва жених занял свое место, со стороны площади донесся гул. Это подошла кавалькада невесты. Все повторилось по уже отработанному сценарию. Палатины быстро увели лошадей. Спешившаяся невеста и ее свита под суровым взглядом препозита Иосифа начали выстраиваться в колонну. Палатин, подойдя к Анастасии негромко, но внятно произнес:

– Сюда, пожалуйста. Делайте, как на репетиции, и все пойдет как по маслу, – добавил он ободряюще. Анастасия кивнула в ответ. Хорошая актриса – она и здесь играла свою роль.

– И тут театр, – проворчал Никифор.

– Вся жизнь – игра, – вторил ему Цимисхий.

Препозит огляделся, желая убедиться, что вся компания заняла надлежащие места и протрубил. Палатин величаво начал движение вперед, задавая скорость остальным.

Войдя в храм, колонна распалась. Подруги невесты заняли отведенные места слева, а сопровождающие ее мужчины справа.

– Эти бюрократы даже в постель к девчонке заташат скуку, – взглянув на уже сидящих чиновников, произнес Цимисхий. Шутка разрядила обстановку, вокруг заулыбались.

Магистр Никифор подвел невесту к алтарю и, оставив ее там, присоединился к мужской половине сопровождения.

Заняв место рядом с Василием Нофом.

Направляясь к Роману, Анастасия улыбнулась и подняла руку, показав браслет с изумрудами, который он когда-то ей подарил. Роман улыбнулся ей в ответ. С того самого дня, как, исполняя волю басилевса, ее закрыли в резиденции патриарха, они не виделись. Анастасия была слегка бледна, но по-прежнему прекрасна.

«Осуждать невозможно»¹⁶, – шепнул Константин Елене цитату из «Илиады», сравнивая Анастасию с прославленной красавицей древности.

Певчие монахи-канторы запели: «Святый Господи, помилуй жениха и невесту! Святой Дух, помилуй их близких! Свят, Трижды Свят, помилуй спутников невесты!»

Неистощимый на выдумки Цимисхий был не в состоянии усидеть на месте больше минуты. Он дерзко разглядывал подруг невесты, посылая в сторону приглянувшихся воздушные поцелуи.

Толстые стены Великого храма приглушали гул толпы, собравшейся снаружи. Легкий шепот в храме утих, как только хор канторов, одетых в черно-белые одеяния появился у алтаря. Перед центральным алтарем стояла кафедра патриарха, облицованная искусно вырезанными целыми панелями слоновой кости. Детали рельефа были столь искусно выреза-

---

¹⁶ «Осуждать невозможно» – хорошо известная каждому образованному византийцу цитата из «Илиады» (III, 156). Собравшиеся на башне городской стены троянские старцы, завидев прекрасную Елену, говорят: «Нет, осуждать невозможно, что Трои сын и ахейцы брань за такую жену и беды столь долгие терпят».

ны, что казались чудом. Звения колокольчиками, монахи пели гимн, славящий Христа, подхваченный присутствующими.

Как только последние слова гимна угасли, патриарх Феофилакт¹⁷, сопровождаемый двумя служками, вошел в храм. Его светлая улыбка разбросала по лицу лучики тонких морщин. При появлении патриарха все встали. Даже базилевс – светский Владыка вселенной отдал дань уважения духовному Владыке вселенной в стенах Святого храма.

Патриарх обладал куда более сложным характером, чем могло показаться на первый взгляд. Заняв свое место на кафедре, Феофилакт как бы отдалился от людей и, казалось, вырос прямо на глазах. Он поднял руки к всемогущему Господу над своей головой и начал молитву, которую повторяли все вокруг:

– Мы благодарим тебя, Христос, Повелитель Правды и Добра, наш великий защитник и покровитель, простирающий свою длань над головами людей и глядящий на них с милосердием. Помилуй нас, Господи, и сохрани, Мать пресвятая Богородица, батюшка спаситель мира Иисус Христос, все-все святые угодники. Господь, благослови, помилуй и сохрани, во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Потом патриарх шагнул вперед, приветствуя жениха и невесту:

– Да благословит этот союз Христос, подобно тому, как

---

¹⁷ Феофила́кт Лакапин (917 – 27 февраля 956) – Патриарх Константинопольский со 2 февраля 933 по 27 февраля 956 года.

Солнце благословляет теплом и светом весь мир, – сказал он. – Присутствующие в храме перекрестились. Патриарх повернулся и повел молодых к алтарю.

Как было отрепетировано заранее, Роман взял правую руку Анастасии в свою левую ладонь, и они коснулись руками алтаря. Полированное серебро под пальцами было холодным. Улыбнувшись, Анастасия сжала руку Романа, и он ответил ей нежным пожатием.

– Помнишь ту ночь и звездное небо в Гитио? – Спросила шепотом Анастасия.

– Я даже помню выступление Цирцеи на представлении, где впервые увидел тебя, – тоже шепотом ответил Роман.

По завершению молитвы присутствующие сели на свои места, чтобы насладиться зрелищем. Началось таинство венчания.

Глашатаи за стенами храма комментировали собравшимся на площади людям происходящее внутри. Столпившиеся горожане и гости города внимательно слушали, иногда выражая свое одобрение многоголосым гулом.

Все когда-нибудь кончается. Даже самые сокровенные и возвышенные моменты. По завершению таинства молодые держась за руки, вышли из храма и остановились в его воротах. Голову Анастасии теперь венчала стемма цесарицы – серебряная, но украшенная камнями и эмалями. Став женой наследника престола, Анастасия получила другое, тронное имя Феофано. Это означало, что она была «Богом явле-

на и им избрана».

А на площади молодоженов ожидали простые горожане. Если бы не двойной ряд гвардейцев, отгораживающий дорогу для процессии, по площади было бы просто невозможно пройти. Вокруг бурлило людское море. Глашатаи, обладавшие могучими легкими, громко закричали:

– Радуйтесь! Празднуйте свадьбу цесарицы Феофано и цезаря Романа! Радуйтесь! Радуйтесь!

Радостные клики стали еще громче. Со всех сторон неслись грубовато-непристойные возгласы и советы, подобные тем, что раздавались на всех без исключения свадьбах, включая и такую церемониальную. Человеческая натура везде одна и та же.

Под их приветствия процессия сошла на площадь. Палатины стали бросать в толпу пригоршни серебряных монет. Традиция требовала, чтобы они опустошили денежные мешочки. Наиболее смекалистые жители столицы хорошо знали это и толпились там, где легче всего было собрать хороший урожай монет. Люди бросились подбирать монеты – давление на гвардейцев убавилось. Минутным замешательством воспользовались и палатины, которые сумели вывести из конюшен на площадь лошадей. Всадники заняли свои места, и кавалькада направилась в сторону ипподрома.

Один из палатинов вложил Роману в руки маленький, но тяжелый мешочек, золотые монеты из которого следовало

бросать в толпу. Такой же кошель вложил в руки Феофано другой палатин. Бросали монеты в толпу и слуги, расставленные вдоль всего пути, но в их мешочках было серебро, а не золото.

Тротуары Срединной улицы Константинополя были забиты народом. Кавалькада двигалась медленно. Вокруг выкрикивали приветствия и поздравления. Столичные жители, непостоянные и капризные, аплодировали любому зрелищу. Свадьба цезаря была грандиозным спектаклем, на котором к тому же зрители могли получить золотую или серебряную монету.

– Радуйтесь! Радуйтесь! Радуйтесь! – Выкрикивали глашатаи.

Неспешным шагом процессия миновала трехэтажное здание из красного гранита, в котором размещались правительственные учреждения. Сопровождающие Романа военные дружно отвернулись в другую сторону. Даже от здания, где обитали чиновники, веяло скукой.

– Радуйтесь!

Когда процессия свернула со Срединной улицы, толпа стала редеть. С каждым шагом вырастали на фоне неба стены амфитеатра Ипподрома, и вскоре кавалькада через триумфальные ворота въехала внутрь. Ипподром, который кишел зрителями, взорвался аплодисментами и приветственным гулом. Музыканты с кимвалами добавили ритм в общий шум.

Кавалькада торжественным шагом подъехала к мраморному царскому балкону на Ипподроме, соединенному крытым переходом с Большим царским дворцом.

Феофано и ее подруги спешили, а Роман и остальные сопровождающие остались верхом. Здесь молодым супругам предстояло ненадолго расстаться. По византийскому обычаю, сохранившемуся со времен легендарных ариев, Феофано должна была принимать поздравления от представителей своего народа и зарубежных гостей в доме родителей мужа. А Роман, по обычаю, на день отправлялся в дом невесты, чтобы выразить свою благодарность ее родителям. И только к ночи супруги должны были воссоединиться на брачном ложе.

Две соперничающие партии, бюрократов и военных, разместили собственные органы по обе стороны ложа. Возле органов собрались полухория канторов. Органы заиграли. Гул толпы сошел на нет.

Оба полухория возгласили:

– Прекрасен приход твой, раба благочестия.

Народ на трибунах трижды повторил: «Прекрасен приход твой!».

– Прекрасен приход твой, предвестница милосердия! – Снова возвестили два полухория. Народ на трибунах снова трижды вторил: «Прекрасен приход твой!».

– Ступайте торжественно и мягко, – наставлял палатин,

ведущий Феофано и ее подруг.

Под аккомпанемент органов канторы запели:

«Собрала я цветы в поле и поспешила в свадебный чертог.

Видела я солнце на золотом брачном ложе;

Все благословляет желанный союз.

Пусть радость будет союзником их ослепительной красоты,

Пусть они видят розы и красоту, подобную розам.

Пусть радость сияет над золотой четой!»

Под их пение Феофано и ее подруги вошли в царскую ложу. Как только они повернулись в сторону ипподрома, пение и музыка смолкли.

Музыканты с кимвалами забарабанили торжественный марш. Роман отсалютовал Феофано, и его кавалькада, под приветственные крики трибун покинула ипподром. Они направились к магистру Никифору, который на правах брата предоставил свой дворец, символизирующий дом невесты. Там на женской половине во главе пиршественного стола восседала Цира Каратер – мать Анастасии, а на мужской – ее названный брат Никифор Фока.

Между тем на ипподроме вновь зазвучали органы. Первыми в ворота стали въезжать кавалькады столичных вельмож. За ними шли колонны слуг несущих дары. За византийски-

ми вельможами следовали вельможи зарубежных делегаций. А уже за вельможами выстраивались в очередь колонны с дарами от многочисленных делегаций ремесленных цехов и торговых объединений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.